

Общие проблемы
политической концептологии

**НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

А.В. Лубский
Южный федеральный университет

Аннотация: *Неоклассическая модель политических исследований как одно из направлений постнеклассической политической науки базируется на принципе конструктивного реализма, позволяющего преодолеть эпистемологические претензии постмодернизма, методологическую односторонность классической и неклассической моделей, а также фрагментарность политических знаний на базе разработки многомерных конструкторов политического познания.*

Ключевые слова: *классическая модель политических исследований, неклассическая модель политических исследований, неоклассическая модель политических исследований, постмодернистская модель политического познания, мультипарадигмальность, реализм, конструктивизм, конструктивный реализм, методологическое сознание.*

В современной политической науке сложилась интеллектуальная ситуация, которая характеризуется, с одной стороны, отсутствием общих теоретико-методологических ориентиров научно-исследовательской деятельности, а с другой — растущей мультипарадигмальностью политического познания, выражающейся в том, что представители различных научных течений и школ отдают предпочтение разным методологическим подходам, используют специфические научные тезаурусы и создают конкурирующие между собой теории предметного содержания.

Мультипарадигмальность политического познания подкупает интеллектуальными возможностями, и поэтому сосуществование и конкуренция в нем различных научных парадигм является необходимым условием нормальной методологической ситуации в политической науке. Однако на практике мультипарадигмальность зачастую сопровождается методологическим «сепаратизмом» и превращением политической науки в своего рода «отдельные столики», сидящие за которыми не желают слышать и понимать друг друга [Almond 1990: 13–31; The nature... 1990: 34–43].

В западной политической науке такая ситуация сложилась в 90-х гг. прошлого века, после того, как бихевиоризм перестал играть в политических исследованиях доминирующую роль. Аналогичная ситуация в это время сложилась и в российской политической науке, теоретическая основа которой, как отмечают исследователи, «была заимствована у Запада» [Пляйс 2009: 28]. В ней стали широко использоваться теоретические конструкторы и понятий-

ный аппарат западной академической науки, что создавало благоприятные условия для распространения в научных исследованиях принципов методологического плюрализма. Однако на практике многие из западных теоретических конструктов превращались в интеллектуально-когнитивные моды: в научных исследованиях, посвящённых российской политической специфике, их стали использовать без всякой предварительной социокультурной и методологической экспертизы [Лубский 2009b: 156–174]. Кроме того, чрезмерная политическая ангажированность научных работ, написанных на «злобу дня» [Куренной 2006: 66–67], часто превращала академическое сообщество в России в «коммунальную квартиру».

В середине 90-х гг. некоторые интеллектуалы на Западе, обеспокоенные методологической разобщённостью исследователей в политической науке и в стремлении преодолеть одиночество сидящих за «отдельными столиками» учёных, стали настаивать на замещении бихевиоризма теориями рационального выбора, новым институционализмом, методологическим индивидуализмом [Миллер 2004: 88–89; Алмонд 1997: 175] или постбихевиоризмом, связанным с веберовским «понимающим» подходом [Easton 1997: 32–33]. Однако навести методологические «мосты» между различными направлениями и школами в современной политической науке не удалось. Она продолжает оставаться «ярмаркой» методологических идей, когнитивным полем многообразных научных дискурсов, в результате которых политическая реальность растворяется во множество теоретических конструктов и ценностных концептов, смысловых миров и метафорических значений. Мультипарадигмальность политической науке пока затрудняет научную коммуникацию в профессиональном сообществе учёных [Олейник 2008: 117].

Возникновение такой интеллектуальной ситуации в политической науке было обусловлено прежде всего изменениями в культурном и эпистемологическом контекстах её развития. Изменения в культурном контексте были связаны с формированием в 90-х гг. XX в. культуры «неоглобализма», базирующейся на методологии нового универсализма, которая характеризуется активизацией дихотомического стиля научного мышления и стремлением к синтезу разных познавательных «оппозиций»: глобального и локального, универсального и уникального, гомогенного и гетерогенного, социоцентристского и антропоцентристского, реалистского и номиналистского.

Эпистемологический контекст развития политической науки характеризовался борьбой между рассудочно-социологистскими и экзистенциально-антропологистскими теориями познания [Микешина 2002: 12–15]. Рассудочно-социологистские теории стремятся элиминировать субъект политического познания и представить субъект-объектные в нём отношения во все более жёстких абстракциях. В рамках рассудочно-социологистской эпистемологии господствует принцип монистической интерпретации политической реальности. Исследователи, придерживающиеся этого принципа, признают возможность получения такого научного знания, которое бы полностью соответствовало изучаемой политической действительности, обеспечивая тем самым однозначность содержания объективно-истинного политического знания. Это порождает уверенность в возможности построения единственно верной политической теории, доказательные аргументы которой окончательны и бесспорны.

Экзистенциально-антропологистские теории, наоборот, стремятся не только сохранить субъект политического познания, но и представить его как целостность, в единстве мышления и деятельности. В рамках экзистенциально-антропологистской эпистемологии доминирует принцип плюралистической интерпретации политической реальности. Согласно этому принципу, политическая реальность может мыслиться в многочисленных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный «наблюдатель» (в широком смысле — научное сознание определённого сообщества).

В связи с этим эпистемологический контекст развития политической науки характеризуется также борьбой сциентистских и антисциентистских традиций. Сциентизм, основываясь на принципах классической рациональности, в качестве идеала научности политического познания берёт модели мышления «строгих» наук, реализуя варианты рассудочно-социологистских научно-исследовательских практик, связанных с реконструкцией политической действительности. Когнитивными императивами сциентизма выступают, во-первых, элиминация субъекта политического исследования из его результатов; во-вторых, вооружение познающего субъекта научным методом, т. е. правильным способом описания и объяснения политической действительности, позволяющим получать объективные политические знания. Сциентизм, стремясь представить субъект-объектные отношения в научном исследовании в жёстких абстракциях, в которых господствует анонимный гнёт понятий и демонстративность научной мысли, утверждает основополагающую роль политической науки в производстве политических знаний, стремясь избавить их от спекулятивных суждений и телеологических заблуждений.

Сциентизм, став основой классической политической науки, сформировался в русле позитивистской эпистемологии, представители которой ориентировали учёных на создание таких политических теорий, которые должны быть такими же доказательными и общезначимыми, как и теории естественнонаучного содержания. Доказательность политической теории позитивисты видели в её обоснованности фактами, поэтому одной из характерных черт позитивистской политической науки был эмпиризм. Сциентизм доминировал в западной политической науке вплоть до 70-х гг. XX в. в рамках такого типа культуры, основу которого составляли универсальная рациональность и сциентистские формы мышления [Алмонд 1997: 175–183].

Критика сциентизма в политическом познании развернулась в первую очередь под влиянием постмодернистских идей, получивших распространение в политической науке в 80-х гг. прошлого века [Моисеенко 2004: 65–67]. Однако на волне критики уже постмодернистских идей в политическом познании в политической науке 90-х гг. усилились позиции «реалистического направления», представители которого предприняли попытку возрождения сциентизма в научно-исследовательских практиках в «мягкой форме». Это нашло выражение в том, что «реалисты», с одной стороны, отвергали идеи сциентизации политического исследования по образцу естественных наук, полагая, что между политической наукой и естественными науками сохраняются существенные различия. С другой стороны, они придерживались таких сциентистских принципов политического исследования, как объективность и холизм.

Антисциентизм в политическом познании, основываясь на принципах неклассической рациональности, в качестве идеала научности берёт модели мышления гуманитарных наук, реализуя варианты экзистенциально-антропологистских научно-исследовательских практик, ориентированных на реконструкцию политической действительности в системе научного знания, в которой презентуется не только предмет, но и субъект политического исследования.

Антисциентизм, став основой неклассической политической науки, сформировался в русле антипозитивистской эпистемологии, в рамках которой сложилось представление о том, что сциентистская рациональность разрушает живую политическую реальность, делая её «объектом» научного исследования. В связи с этим позитивистская политическая наука была подвергнута критике как репрессивная инстанция, которая с помощью различных гранд-теорий, «собирая» политическую действительность в единое целое и рассматривая политические факты как «вещи», «умерщвляет» реальную политическую жизнь. Антисциентизм, обретая человека как субъекта политической реальности, превращает политическое исследование в «субъект-субъектное» отношение, в диалог культур: культуры исследователя и культу-

ры изучаемых им политических субъектов. На волне всплеска сциентизма в политической науке в 50-х — начале 70-х гг. XX в., антисциентизм был подвергнут критике со стороны позитивистски ориентированных учёных. Однако в 70–80-х гг. XX в. в политической науке под влиянием идей, связанных с постмодернизмом, начался новый ренессанс антисциентизма в политическом познании.

Распространение эпистемологических идей постмодернизма в политическом познании было обусловлено тем, что первоначально постмодернизм воспринимался многими учёными как интеллектуальное течение с явно выраженной гуманитарной направленностью, отказавшееся от жёсткого сциентизма позитивистской методологии. Только в 90-х гг. прошлого века появились работы, в которых постмодернизм стал рассматриваться в русле преодоления модернистских норм научного мышления и связываться со стратегиями постструктурализма и деконструктивизма, которые обесценивали практически все профессиональные навыки, которыми гордились исследователи, и стало ясно, что постмодернизм ставит под сомнение сами основы политической науки [Моисеенко 2004: 65]. Поэтому постмодернистский вызов, как подчёркивали некоторые исследователи, «представляет собой один из самых значительных интеллектуальных вызовов сложившейся в XX столетии системе знаний» [Rosenau 1992: 5].

Эпистемологический «вызов», брошенный постмодернизмом политической науке, сопровождался тем, что, во-первых, начали размываться стандарты научной в ней деятельности, а политическая наука испытывать нашествие «околонаучного маргинала»; во-вторых, политическое знание стало приобретать принципиально гетерогенный и фрагментарный характер, и в познавательной деятельности обнаружился дефицит холистского политического мышления; в-третьих, произошла девальвация научно-теоретического разума, а политическое знание стало приобретать всё более ангажированный и прикладной характер.

В связи с этим реакция учёных на распространение постмодернистских идей в политической науке оказалась более чем сдержанной, а затем и критической. В результате в политической науке возникло критико-реалистическое направление, в рамках которого на волне критики эпистемологических претензий постмодернизма и односторонних методологических ориентаций классической и неклассической политической науки на рубеже XX–XXI вв. стала складываться неоклассическая модель политических исследований.

Неоклассическая модель политических исследований ещё не была предметом научного дискурса, хотя идея неоклассической политической науки как особого направления в постнеклассической политологии была концептуально оформлена уже в конце 90-х гг. прошлого века [Лубский 1999: 44–48]. В научно-исследовательских практиках иногда используется также понятие неоклассической парадигмы научного исследования, в русле которой, например, осуществляется критическое переосмысление методологии политического дискурс-анализа [Поцелуев 2010: 16–17].

В современной научной литературе обычно используются понятия классической, неклассической и постнеклассической политической науки как особых стадий в её развитии. При этом существуют различные представления о том, какие направления в политической науке следует относить к классическим, неклассическим и постнеклассическим. Так, некоторые исследователи к классическому этапу политической науки относят различного рода философско-аналитические, ценностно-нормативные ориентации, к неклассическому — ориентации позитивно-эмпирической направленности, к постнеклассическому — идеи постмодернизма [Жуковский 2011: 3].

Другие исследователи, говоря о классической и неклассической традициях в политической науке, в частности, при изучении политических элит, относят к классической традиции объективистский (властный) и субъективистский (меритократический) подходы, а к неклассической — деятельностный, или активистский (субъектный) подход [Логинова 2008: 98–

101]. В основу такого понимания классического и неклассического в политической науке положен историко-генетический подход в науковедении, в рамках которого к «классикам» относят отцов-основателей тех или иных научных направлений, и поэтому объединяют представителей с различными методологическими взглядами.

Выделение нами классической, неклассической и неоклассической моделей политических исследований основывается на концептуальном анализе сложившихся альтернативных научно-исследовательских практик. При этом модель политического исследования рассматривается как когнитивный его аналог, концептуально воспроизводящий такие параметры, как предмет политического исследования, его когнитивная стратегия и способ познавательной деятельности.

Классическая модель политических исследований базируется на классическом стиле рациональности, основой которой выступает принцип нейтральности субъекта научно-исследовательской деятельности, а также тождества политического бытия и научного мышления. Классическая рациональность, в которой разум, с одной стороны, дистанцируется от политической действительности, а с другой — абстрагируется от деятельностной природы субъекта политического познания, элиминирует из процедур объяснения всё то, что не относится к объекту политического исследования. Поэтому классическая рациональность, претендуя на познание политической действительности такой, какой она есть сама по себе, без примеси человеческой субъективности, предполагает, что в политическом знании не должно быть ничего того, что не относится к предмету политического исследования.

Классическая модель политических исследований базируется также на принципе социологизма, который содержит два аспекта: предметный и методологический. Предметный аспект проявляется, с одной стороны, в холизме, в представлении об обществе как целостной надындивидуальной социальной реальности, с другой — в социальном детерминизме, признающем жёсткую взаимозависимость различных сфер жизнедеятельности людей. Поэтому в центре когнитивного внимания классической модели политического исследования оказываются политические процессы, структуры, отношения и интересы. Главными действующими лицами в политической реальности провозглашаются не отдельные личности, а социальные группы и политические организации.

Методологический аспект принципа социологизма реализуется в когнитивной стратегии политического исследования, которая носит номотетический характер. Она ориентирует исследователя на установление общего, присущего определённому классу политических явлений и выражаемого посредством определённых понятий, а также на выявление повторяющихся взаимосвязей между политическими явлениями.

Целью когнитивной стратегии классической модели политических исследований является реконструкция политической реальности в виде системы эмпирического и теоретического знания, адекватного этой реальности и свободного от оценочных суждений. Номотетическая стратегия классической модели политических исследований предполагает создание такого рода научных концепций, которые охватывали бы все стороны политической реальности в единой логически непротиворечивой системе эмпирического и теоретического знания. Эти знания, рассматриваемые как своего рода «слепки» с объективных отношений самой политической действительности, претендуют на статус научных истин, верифицируемых политической практикой.

Неклассическая модель политического исследования основывается на неклассическом стиле рациональности, в котором деятельностная природа субъекта научного познания выступает в явном виде. Это предполагает осмысление соотносительности объясняемых характеристик предмета политического исследования с особенностями методологических средств

научной деятельности. Поэтому неклассическая рациональность предполагает, что содержание политического знания зависит от выбора методологии научного исследования.

Основу неклассической модели политического исследования составляет принцип номинализма, предметный аспект которого выражается, с одной стороны, в когнитивном интересе к индивидуальному как уникальному, связанному с жизнедеятельностью людей, а с другой — в антропологизме, признающем необходимость «человеческого измерения» политической реальности, наполненной индивидуальными ценностями и смыслами. В результате предметом неклассической модели политического исследования является не детерминированная и структурированная надиндивидуальная политическая реальность, а политическая деятельность людей, обусловленная различными их политическими интенциями и ментальными программами.

Методологический аспект принципа номинализма задаёт для неклассической модели политического исследования идиографическую когнитивную стратегию, целью которой является понимание и восстановление смысла индивидуальных политических практик, их коммуникационной и символической природы, а также рациональная реконструкция их социокультурного контекста. Поэтому основным познавательным средством неклассической модели политического исследования является понимание, направленное на «постижение» смысла индивидуальных политических действий.

Выделение неоклассической модели политического исследования как определённого направления в развитии постнеклассической политической науки имеет свое логическое обоснование. Неоклассическая модель политического исследования — это не просто новая классическая, а такая, которая, сохраняя приверженность принципам классической модели, включает и принципы ее антипода — неклассической. Если вначале появилась классическая модель политического исследования, затем сформировалась её противоположность — неклассическая модель, то в соответствии с логикой развития политической науки следующая её стадия — это неоклассическая модель как синтез противоположных когнитивных практик в политическом познании.

Неоклассическая модель политического исследования стала формироваться в рамках постнеклассической политической науки в качестве методологического «ответа» на эпистемологический «вызов» постмодернизма, разрушавший все привычные представления о политической реальности и природе политического познания. В основе неоклассической модели политического исследования лежит критический, реалистско-синкретический стиль научного мышления. Неоклассики подвергают критике в первую очередь субъективистский, индивидуалистско-релятивистский стиль постмодернистского мышления, основанный на принципах радикального конструктивизма. Неоклассики критикуют представителей радикального конструктивизма за то, что последние, отрицая возможность получения объективно истинного знания, рассматривают политическую реальность только в качестве продукта аутопоэтического сознания познающего субъекта. В этом плане политическая реальность представляется постмодернистам не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как то, что конструируется языком и дискурсивной практикой, и поэтому конструкты политические реальности можно сравнивать только между собой, но не с политической действительностью.

Неоклассики критикуют также неклассическую и классическую модели политического исследования за их методологические односторонности. В частности, они критикуют номиналистско-идеографический стиль мышления, лежащий в основе неклассической модели политического исследования, который способствовал распространению субъективизма и релятивизма в политической науке в связи с популярностью в ней культурной проблематики, приведшей по существу к отказу от объективно-каузального объяснения политических фактов. Критике неоклассиков подвергается и классическая модель политического исследования за

крайний объективизм, элиминирующий специфику политического познания, отвергающий структурирующую роль в нём текста и языка. Критикуются также представления классиков о методологическом плюрализме как эпистемологическом недостатке политического познания. В целом неоклассики критикуют представителей классической модели политического исследования за то, что последние, резко выступая против постмодернистской академической моды, фактически проповедуют новейшую форму «когнитивного абсолютизма», в котором научная нейтральность и объективность выходят за пределы человеческого разума и познавательной деятельности, приобретая форму веры. Поэтому классическая теория политического познания, как считают неоклассики, не применима к «живому» политическому исследованию. При этом они полагают, что политическая эпистемология должна обращаться не к абстрактному субъекту политического познания, а к целостному человеку — познающему и интерпретирующему, а богатство познавательного опыта ставит сегодня проблему возможного синтеза многообразных когнитивных практик на основе принципа доверия к субъектам научного исследования.

Неоклассическая модель политического исследования базируется на особом типе научной рациональности. Специфика этой рациональности заключается в том, что научное мышление в ней выступает не как констатирующее, а как проектно-конструктивное когнитивное действие: рационален не тот, кто стремится к адекватному отображению политической действительности, а тот, кто способен воссоздать такой её образ, в котором неразрывно слиты представления о политической реальности с самой политической действительностью. В связи с этим неоклассическая рациональность предполагает рефлексивность и плюрализм различных позиций, и в этом плане можно говорить о рационально-рефлексивном стиле научного мышления в неоклассической политической науке.

Неоклассическая рациональность в политическом познании — это рациональность, которая сформировалась в результате синтеза таких установок, как стремление к объективно-истинному знанию в классической рациональности и установление зависимости объясняемых характеристик предмета политического исследования от его методологии в неклассической рациональности и дополнения этих установок осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотношении с социокультурным контекстом. Поэтому неоклассическая рациональность предполагает рефлексивность над ценностными основаниями научно-исследовательской деятельности, выраженными в научном этосе. В политическом познании неоклассическая рациональность проявляется в интеграции истины и нравственности, а это даёт возможность интерпретировать политическое исследование не только как целерациональную, но и ценностно-рациональную когнитивную деятельность.

Формирование неоклассической модели политического исследования сопровождается переходом от одномерных интерпретаций политической реальности к многомерным на основе синтеза «положительных» когнитивных установок классической и неклассической его моделей, а также с учётом всего того рационального, что содержится в постмодернизме. Неоклассическая модель политического исследования предполагает синтез различных когнитивных оппозиций на основе преодоления антитезы рассудочно-социологического и экзистенциально-антропологического подходов, макро- и микро-политических исследований. В связи с этим неоклассики предлагают идею «третьей книги» («third book»), которая должна объединить исследовательские практики, тяготеющие как к макроанализу и объяснению, так и к микроанализу и пониманию. При этом речь идёт не о простом «сложении» равноправных подходов, а о разработке качественно новых методологий, способных держать в своём фокусе не только объективные и субъективные параметры политической реальности, но и способы их взаимодействия.

Неоклассики утверждают, что между политической реальностью и взглядом учёного на неё существует определённая связь. В связи с этим они рассматривают проблему объективности политического познания в контексте диалога между учёным и изучаемой им политической реальностью. Неоклассики не согласны с постмодернистами в том, что в научном дискурсе отражаются только наши собственные концепты и конструкты, а сама политическая действительность имеет весьма слабый референциальный статус. Вместе с тем, рассматривая научный диалог как дискурсивное моделирование политической реальности, неоклассики признают, что в политическом исследовании немалое значение имеют эпистемологические фильтры, опосредствующие интерпретацию его предмета [Мальковская 2003: 79]. В этом плане научный диалог рассматривается неоклассиками как выражение онтологической сопряженности в политическом исследовании объективного и субъективного, осуществляющейся посредством симулякров, или паттернов различного уровня. Эта идея базируется на представлении о том, что политическая реальность существует объективно, но научные знания о ней зависят не только от самой политической реальности, но и от тех её паттернов, или когнитивных «призм», сквозь которые исследователи смотрят на политическую реальность в целом (макропаттерны) или на отдельные её фрагменты (мезо- и микропаттерны).

В исследовательской практике паттерны — это теоретико-методологические предпочтения, позволяющие репрезентовать политическую реальность и презентовать представления о ней самого исследователя. Неоклассики полагают, что на политическую реальность можно смотреть сквозь призму разных паттернов. В этом плане паттерны равны, одинаково правомерны и самостоятельны, и поэтому исследователи их не столько выбирают, сколько предпочитают. Разнообразие паттернов создаёт проблемное поле напряжённости в политической науке, порождая научные дискуссии как важнейшее условие её саморазвития.

В этом плане политическое исследование можно рассматривать как процесс когнитивного моделирования политической реальности. При этом различные научные конструкты и концепты как когнитивные её модели представляют собой формализованные и структурированные представления, выраженные в символической форме. Любые когнитивные модели содержат некоторые ошибки в отношении воспроизводимой ими политической реальности, которые обусловлены тем, что эти модели упрощённо воспроизводят эту реальность, постоянно выпуская из рассмотрения те или иные её аспекты, и за счёт этого какие-то стороны моделируемого политического явления описывают и объясняют всегда неполно и противоречиво. Политические знания в виде различных теоретических конструктов и аксиологически нагруженных концептов как неполные или противоречивые модели политической реальности в процессе коммуникации отчуждаются от их производителей и усваиваются индивидуальным сознанием потребителей этих знаний, что является основой виртуализации этой реальности [Лубский 2011: 19–29].

Представители неоклассической модели политического исследования считают, что конструктивистское начало присутствует во всяком процессе познания и познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует политическую реальность. Однако в отличие от постмодернистов — радикальных конструктивистов, неоклассики занимают позицию конструктивного реализма, преодолевая при этом оппозицию когнитивного объективизма и радикального конструктивизма. Представители конструктивного реализма рассматривают политическое познание как такую когнитивную деятельность, которая предполагает взаимодействие учёных как с трансцендентальной политической действительностью, так и в дискурсе друг с другом. В рамках этих взаимодействий конструируются такие картины политической реальности, которые в определённой мере соответствуют самой политической действительности, но неизбежно несут на себе «почерк» познающих.

В рамках таких представлений о коммуникативной природе политического познания была актуализирована проблема языка политического дискурса. При этом надо отметить, что современные представления о политическом дискурсе складываются в контексте политической эпистемологии экзистенциально-антропологического характера. В русле этой эпистемологии политический дискурс как рефлексивная форма научной коммуникации, связанная с актуализацией содержания политического сознания, есть производная различных смысловых схем политической реальности как результата производства политического знания.

В процессе этой коммуникации, регулируемой доминирующим в той или иной культурно-эпистемологической традиции типом рациональности, происходит дискурсивное моделирование политической действительности. Благодаря создаваемым дискурсивным моделям, политическая действительность начинает восприниматься как множество политической реальностей. Политический дискурс по своей природе является институциональным, поскольку он предполагает рефлексивную коммуникацию в рамках статусно-ролевых отношений как в политической науке, так и в обществе в целом. Поэтому политической дискурс представляет собой, с одной стороны, многообразие суждений о политической действительности, ансамбль смысловых схем, образующих политическую реальность, с другой — когнитивное поле конкурентной борьбы в политической науке, связанной с производством политического знания. Специфической ставкой в этой борьбе является монополия на научную компетентность, понимаемую как социально и профессионально признанную за определенным учёным или научным сообществом способность легитимно высказывать истинные или правдивые суждения о политической действительности.

В российской политической науке проблема языка политического дискурса была порождена осознанием необходимости разработки научного языка, адекватного для изучения политических реалий вне западного политического ареала. Использование научного языка западной политической науки, который сформировался в определённой когнитивной среде при изучении политических реалий на Западе, затрудняет понимание и объяснение иных политических реальностей, обусловленных социокультурной спецификой, поскольку «словари и переводы, — как предостерегал П. Фейерабенд, — являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя „подогнать“ под западноевропейский способ мышления» [Фейерабенд 1986: 432].

Проблема языка политического дискурса — это проблема контекстуальности, которая является сегодня одной из наиболее актуальных в современной политической эпистемологии. Принцип контекстуальности означает, что всякое политическое явление необходимо изучать в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление. Поэтому прежний поиск универсальных политических понятий и теоретических конструктов, пригодных при изучении истории любой страны независимо от её социокультурного своеобразия, в современной эпистемологии признается методологически несостоятельным.

Кроме того, принцип контекстуальности предполагает, что понимание политической реальности такой, какая она является на «самом деле», требует изучения прежде всего представлений людей об окружающем их политическом мире. Давно уже замечено, что люди живут в той социальной реальности, какой они её себе представляют, благодаря способности к её конструированию на основе знаний, получаемых извне и собственного социального опыта, почерпнутого из социальных практик повседневности, и если человек, — согласно теореме У. Томаса, — определяет социальную ситуацию как реальную, то она становится реальной по своим последствиям [Аберкромби, Хилл, Тернер 2000: 200].

Одной из задач неоклассической модели политических исследований является преодоление фрагментарности политического знания путём сближения «отдельных столиков» в по-

литической науке, сидящие за которыми учёные «имеют свои собственные концепции и собственные уязвимые места» [Almond 1990: 13], и возвращения в политическом познании приоритета научно-теоретического разума. При этом речь идёт не о возврате к политической эпистемологии эпохи модернизма, а о стремлении вывести политическую науку на новый качественный уровень с учётом всего того положительного, что было накоплено предшествующим её развитием, в том числе и тех позитивных моментов, которые содержатся в постмодернизме, показавшем, насколько специфическими являются те средства, с помощью которых учёный изучает политическую реальность. Такое стремление связано прежде всего с преодолением дисциплинарной ограниченности политического познания путём расширения когнитивных практик мультидисциплинарных, интердисциплинарных и трансдисциплинарных научных исследований.

Мультидисциплинарный подход в политическом познании — это решение научно-исследовательских задач в рамках предметного поля политической науки с помощью методологических конструктов и методов других научных дисциплин. Интердисциплинарный подход — это постановка научно-исследовательских задач на стыке политической науки и других научных дисциплин и использование методологического и теоретического потенциала последних в интерпретации научных фактов в целях создания целостной картины политической реальности. При этом надо подчеркнуть, что интердисциплинарность — это не столько расширение «территории» учёного, сколько постановка новых научно-исследовательских задач, которые, как известно, гораздо труднее поставить, чем решить. Кроме того, интердисциплинарные исследования, направленные на производство «гибридного научного знания», обладают большим компаративистским потенциалом. Трансдисциплинарный подход в политическом познании связан с постановкой научно-исследовательских задач, направленных на преодоление гетерогенности дисциплинарных научных теоретических знаний путём их осмысления на концептуальном уровне, выходящем за пределы и габитуальные рамки отдельных научных дисциплин.

Таким образом, представители неоклассической модели политического исследования, уставшие от фрагментации политического знания, «жаждут» нового холистского реванша. В рамках этого «реванша» наблюдается активизация концептуального политического мышления как интеллектуальной работы научного сознания по «схватыванию» смыслов в наиболее сложных случаях постижения политической реальности и стремящегося тем самым сохранить репрезентативный характер политического познания. В отличие от теоретического мышления, оперирующего научными понятиями, концептуальное историческое мышление базируется на концептах как когнитивных моделях политической реальности рационально-ценностного содержания. Концепты как формы политического мышления являются, с одной стороны, результатом квантификации и категоризации политического знания, с другой — определенным способом и формой абстрагирования, модели которого задаются самим политическим мышлением. Тем самым политические концепты, формируемые речью в процессе дискурсивных практик, не только описывают, но и конструируют свои объекты. Являясь формами политического мышления, концепты, направленные на «схватывание» смыслов в единстве речевых высказываний, действуют в режиме непосредственного диалогического общения говорящего и слушающего, пишущего и читающего, и поэтому всегда сохраняют открытые пространства для иных трансфлективных политических обобщений. В политических концептах безличные и объективистские понятия авторизуются в процессе производства личностно-ориентированного знания о политической реальности. Как акты памяти политические концепты ориентированы в прошлое, как акты воображения — в будущее, как акты суждения — в настоящее [Веряскина 2004: 49].

Концептуальное политическое мышление является основой такого нового интеллектуального течения в политической науке XXI в., как политическая концептология [Макаренко 2002; Макаренко 2005], связанная, с одной стороны, с разработкой политических концептов, синкретически схватывающих социокультурную специфику политических реалий, с другой — концептуальным «оживлением» политических понятий и теоретических конструктов, разработанных западной интеллектуальной мыслью, путём их социокультурной экспертизы.

В политической концептологии, стремящейся к синкретическому изображению политической реальности в виде эмоционально-образных коннотаций и метафорических значений, политическому концепту придаётся идея метафизического смысла, рождающегося в рамках политического дискурса. Благодаря чему, в концептологических практиках рождаются различные образы политической реальности в качестве её «картин-репрезентаций», посылающих такие же личные «послания» субъектов познавательной деятельности, как и сама политическая действительность [Лубский 2009а: 67–74]. Эти образы, представляющие собой «воображаемые политические реальности», в процессе коммуникаций отчуждаются от их производителей и становятся социокультурными траектами — посредниками между субъектами и объектами политического познания, формируя собственно «мир политики». Функцией этих траектов становятся и объекты, и субъекты политического познания, поскольку они конституируются этими траектами как ролевые идентичности.

В рамках неоклассической модели политических исследований происходит становление нового типа методологического сознания, актуализирующего вопрос о субъективном «мире» политического знания, в котором обнаруживает себя объективный «мир» политической действительности. Этот тип методологического сознания основан на представлениях о том, что: 1) политическая реальность сама по себе не даёт никаких гарантий адекватности политического знания; 2) о политической реальности можно говорить на разных языках, в контексте различных политических теорий, с учётом различных политических перспектив; 3) в политическом исследовании методология определяет, что может (или должно) быть наблюдаемо в «политическом мире»; 4) политическое исследование, протекающее в определённом культурно-эпистемологическом контексте, обусловлено стилем мышления академического сообщества, к которому принадлежит учёный, и его методологическими ориентациями; 5) исследователь, веря в целесообразность (или смыслообразность) политической реальности, создаёт её когнитивную «картину» в виде системы когерентных понятий и логически непротиворечивых умозаключений так, что, будучи поставленной на место политической реальности, эта «картина» посылает такие же личные его «послания», как и сама реальность; 6) политические знания как репрезентации политической реальности не являются её «репродукциями», «отражениями», поскольку эти репрезентации несут на себе «почерк» познающих; 7) политические знания имеют статус познавательных конструкций, они концептуально относительны, их нельзя априори защитить от скептических возражений; 8) исследователь, создавший определённую «картину» политической реальности, может утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что он в действительности познал некую её сторону, хотя это утверждение не может быть никогда прямо доказано.

В таком методологическом сознании преодолевается «жажда объективности» и формируется представление о том, что «политический мир» становится политической реальностью в соответствии с познавательным контекстом. В таких условиях политическое знание приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает политическую реальность «саму по себе» в той мере, в какой эта реальность трансформируется в разные её «картины», из которых ни одна не может быть признана единственно правильной.

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. 2000. *Социологический словарь*. — М.
- Алмонд Г. 1997. Политическая наука: история дисциплины. — *Политические исследования*. — № 6.
- Веряскина В.П. 2004. Концепт «образцового человека». — *Человек*. — № 4.
- Жуковский А.Г. 2011. Современные парадигмы политологического исследования: модели взаимодействия: Автореф дисс. ... доктора полит. наук. — Ростов н/Д.
- Куренной В.А. 2006. Политическая теория. Беседа с Борисом Капустиним. — *Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений*. — М.: Изд-во Некоммерческий фонд «Наследие Евразии».
- Логинова О.А. 2008. Методологические проблемы изучения элит в классической и неклассической социологической традиции. — *Известия Алтайского государственного университета*. — № 2.
- Лубский А.В. 1999. Каковы характерные черты постнеклассической политической науки? — *Политология в вопросах и ответах: Учеб. пособие*. — М.: Гардарики.
- Лубский А.В. 2009а. Политическая концептология как «захват мира политики» и приглашение к дискурсу. — *Политическая концептология: Журнал междисциплинарных исследований*. — № 1.
- Лубский А.В. 2009б. Политология в России: состояние и возможности политической концептологии. — *Государственное и муниципальное управление: Ученые записки СКАГС*. — № 2..
- Лубский А.В. 2011. Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность. — *Научная мысль Кавказа*. — № 4
- Макаренко В.П. 2002. *Аналитическая политическая философия*. — М.: Праксис.
- Макаренко В.П. 2005. *Политическая концептология: обзор повестки дня*. — М.: Праксис.
- Мальковская И.А. 2003. Россияведение между символом и симулякром. — *Россия и современный мир*. — № 1.
- Микешина Л.А. 2002. *Философия познания. Полемические главы*. — М.: Прогресс-Традиция.
- Миллер А.И. 2004. Реферат: Political science in history: Research programs and political traditions / Ed. by James F., Dryzek J.S., Leonard St. Cambridge (Mass.): Cambridge-univ. press, 1995. — *Политическая наука на рубеже веков: Проблемно-тематический сборник*. — М.: ИНИОН РАН.
- Моисеенко А.О. 2004. Реферат: Heineman R.A. Political science an introduction. N.Y. etc.: McGraw-Hill, 1996. — *Политическая наука на рубеже веков: Проблемно-тематический сборник*. — М.: ИНИОН РАН.
- Олейник А.Л. 2008. Научная коммуникация на стыке парадигм. — *Общественные науки и современность*. — № 2.
- Пляйс Я.А. 2009. *Политология в контексте переходной эпохи в России*. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Поцелуев С.П. 2010. *Диалог и парадIALOG как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества. Автореф. дисс. ... доктора полит. наук*. — Ростов н/Д.
- Файерабенд П. 1986. *Избранные труды по методологии науки*. — М.
- Almond G. 1990. Separate tables: schools and sects in political science. — Almond G.A. *Discipline divided: schools and sects in political science*. — Newbury Park, L., New Delhi.

Easton D. 1997. The future of the postbehavioral phase in political science. — *Contemporary empirical political theory* / Ed. By Monroe K.R. — Berkley, Los Angeles, L.: Univ. of California press.

Rosenau P. 1992. *Post-modernism and social sciences*. — N.Y.: Princeton.

The nature... 1990. The nature of contemporary a roundtable discussion. — PS: Political science and politics. — Vol. 23. — N 1.